

— Будучи в ИЗМИРАНе в последний раз, я обратил внимание на объявление, гласившее, что на семинаре ионосферного отдела такого-то числа состоится сообщение Н.Д. Бобарыкина о его кандидатской диссертации с пышным названием "Численное моделирование процессов переноса ионосферно-магнитосферной плазмы", которым вполне можно было бы украсить хорошую докторскую диссертацию. Научные руководители - К.С. Латышев и Н.К. Осипов.

— Такое-то число уже прошло и, значит, семинар уже состоялся, Коля Бобарыкин выступал, и я поинтересовался у Дёминова с Ситновым их впечатлением.

— Чёрт его знает, - сказал Марат, - я так посмотрел не очень внимательно, вроде бы всё нормально. Задача интересная поставлена. Во всяком случае на секцию мы его рекомендовали.

— Ну и зря, - высказал я своё мнение. - Коля известный халтурщик, и наверняка у него много липы. Ведь он свою работу делал вначале по хоздоговору с нами, и по крайней мере тогда путных результатов мы от него не добились. Сомневаюсь, чтобы они и теперь у него были. Не зря он нас миновал, не стал у нас выступать, а сразу в ИЗМИРАН сунулся.

— Ну что же, попробуем его заворотить, - пообещали мне Марат с Юрой.

— И где-то через неделю-две приходит к нам в обсерваторию на имя Иванова телетайпограмма от Жулина - председателя секции Учёного Совета по солнечно-земной физике, куда Коля представил свою диссертацию: "Прошу рассмотреть диссертацию Н.Д. Бобарыкина на семинаре обсерватории на предмет возможности представления её на секцию Учёного совета ИЗМИРАН".

— Значит, заворотил Жулин Колина диссертацию! Сам или с подачи Дёминова и Ситнова? Ситнов потом уверял нас, что Жулин сам удивился, как это Коля нас миновал - калининградец, а в КМИО не выступал! И не выпустил его на секцию.

— А через пару дней явились ко мне Костя с Колей. Так, мол, и так. Велит Жулин у вас выступать.

— Знаем, - говорю, - есть от него телетайпограмма.

— Ну, и что для этого надо?

— Пусть Коля оставит диссертацию на недельку, я посмотрю, Клименко, Саенко, Кореньков, подготовим отзыв, тогда уж и заслушаем его у нас на семинаре.

— Ну, что ж. Так - так так, - кряхтя, согласились Костя с Колей и оставили у меня экземпляр диссертации.

— Впечатление на всех нас Колина работа после её изучения произвела сильнейшее. Такого нахальства даже от Коли мы не ожидали. Проблема, которую он пытался решить, была действительно чрезвычайно актуальной и интересной - учёт инерции продольного (вдоль геомагнитного поля) движения ионов во внешней ионосфере.

— Этой проблемой занимались в последнее время и мы с Клименко и Саенко, а Коля трудился на этой ниве уже несколько лет. Сложность проблемы состояла, главным образом, в том, что она требовала умения решать системы уравнений гиперболического типа, тогда как привычными в ионосферном моделировании являлись уравнения параболического типа, для которых известны устойчивые методы численного решения.

— В своё время - время нашего содружества с Костей Латышевым - перед Колей была поставлена задача: разработать устойчивый численный алгоритм решения систем гиперболических уравнений для ионосферной плазмы с приемлемыми шагами интегрирования по времени, не слишком малыми, иначе требовались очень большие вычислительные затраты.

— В отдельных вариантах задачи, на небольших интервалах высот, скажем, ниже 1000 км, Коле удалось получить решения, но на больших высотах его численная схема разваливалась, особенно для ночных условий. А именно для больших высот и весь огород городился, ибо именно там как раз - во внешней ионосфере, где ионы, не испытывая

столкновений, разгоняются до больших скоростей, - и необходимо учитывать инерционные члены в уравнениях движения. Внизу же они малы и никакой роли не играют.

— Коля мучился, мучился со внешней ионосферой, а потом плюнул и решил проблему просто: насчитал кучу суточных вариаций ионосферных без учёта инерции и подsunул это в диссертацию под видом результатов, полученных с учётом инерции, да ещё сравнение с наблюдениями провёл, выбрав те параметры и варианты, в которых результаты расчётов и наблюдений особенно не противоречили друг другу.

— Элементарный подлог!

— И обнаружить его можно было лишь просчитав то же самое, а мы-то как раз и считали сами все эти суточные вариации (Коля пользовался Лёньки Захарова записями нейтралки на магнитную ленту, поэтому и не мог просчитать другие дни).

— Так и это ещё не всё.

— Даже в тех случаях, когда Коля действительно учитывал инерцию, противоречия в изложении его результатов сидели на противоречии. И связано это было с элементарной Колиной неграмотностью по части геофизики. Из одних и тех же результатов он умудрялся в разных местах диссертации делать совершенно противоположные выводы, например, о влиянии инерции на суточный ход параметров максимума F2-слоя. Паразитные колебания вычислительной схемы выдавал за естественные колебания ионосферной плазмы. Рассуждал о полярном ветре, который якобы дует сразу за плазмопаузой и тем самым её формирует (новый механизм формирования плазмопаузы!), хотя этот ветер потому и называют полярным, что он дует в полярной шапке. Использовал содранную у нас формулу для нелокального нагрева электронов в той области, где она неприменима. И т.д., и т.п.

— Наукообразность его опусу Костя и Осипов, конечно, постарались придать. Одни рассуждения об "иерархии моделей" чего стоят! Но куда они смотрели по существу работы? Ну, Костя, положим, в геофизике сам не шибко разбирается и положился в этой части на Осипова. Так неужели всё остальное сам Осипов нагородил? Похоже, что так. Но зачем?

— Косте, понятно, для престижа нужно хотя бы одного кандидата наук выпустить, всё-таки он завкафедрой, с него это требуют. А у Осипова уже с десятков защищённых под его руководством и неплохих диссертаций. Зачем ему об Колю мараться, авторитет свой подрывать только? Непонятно.

— Напршивалось единственное объяснение. Коля верный собутыльник и Кости, и Осипова. Не раз, небось, выручал каждого, - и сбегает, когда пошлют, и достанет, когда надо, и домой отведёт, если сам не сможешь, а уж просто компанию составить - никогда не откажется. Этим он их и повязал, судя по всему. Тут они ему должниками и оказались - не раз, небось, по пьянке обещали: - Ты, Коля, не волнуйся, будет у тебя диссертация, мы тебя не оставим, работай, мол, только.

— Ну, Коля работал, сколько мог, пока не надоело. Задача-то трудная, выходов не видно. Пристал, наверно, как репей, как ко мне ещё приставал в былое время, - сколько же, мол, можно работать? Пора и купоны стричь. А те и сдались, не зная, как от него отвязаться.

— К такому нашему общему мнению мы пришли, обсуждая ситуацию. Мы - это Клименко, Кореньков, Саенко, Лёня Захаров, все, кто ознакомились с работой и разбирались в проблеме да плюс хорошо знали Колю и его научных руководителей.

— Ну, что делать? Ясно было, что пропускать такую работу нельзя. И Косте нечего срамиться за своего ученичка, и нам позор будет как рецензентам, если кто другой Колю раскусит, да и просто сами себя уважать перестанем. Как я, например, тогда от других что-то требовать буду? Наконец, можно ли вообще Колю в кандидаты наук пропускать с его апломбом, наглостью и нечистоплотностью? Уж если мы его не остановим, он в свою неуязвимость навсегда уверует, и тогда - держись, другие! Нет уж, не выйдет.

— Я составил проект резко отрицательного отзыва, отметив как положительное лишь актуальность темы, обсудил его с ребятами и просил их активно выступать на семинаре. Лида Нацвалян накинулась на нас с обвинениями в жестокости, в организации заговора с целью избиения бедного Коли на семинаре, надо, мол, уговорить его без семинара забрать диссертацию на переработку. Но мы - остальные - единодушно сочли, что Коля не тот человек, с которым следует деликатничать.

— Семинар проходил в Ладушкине. Народу собралось много, университетские не поленились, приехали. А накануне, я прослышал, в университет к Латышеву приехал ... Марс Фаткуллин! То ли у них с Костей объявились какие-то совместные дела, то ли Марс решил просто отдохнуть, водку попить, а, может, Колю приехал поддержать, - неизвестно. Во всяком случае на семинаре в ионосферном отделе Марс Колю поддержал. Однако на семинар в Ладушкин он не приехал. И, судя по последующему, - просто перепил накануне.

— Коля же и Костя, может, и были с похмелья, но не с тяжёлого. Костю я ещё в дизеле, когда в Ладушкин утром ехали, предупредил, что буду выступать против, и объяснил почему. Костя пожал плечами - как знаешь, мол.

— В подлоге Коля сознался. Там бесполезно было упираться, хотя он пытался представить дело так, что просто из-за неудачных формулировок сложилось впечатление, будто результаты расчётов суточных вариаций в плазмосфере выполнены с учётом инерции, а он, действительно, проводил их без учёта инерции, так как на больших высотах численная схема разваливалась.

— По остальным пунктам он пытался защищаться, временами даже не без гонора, но убедить никого, конечно, не смог. Выступил Костя и сказал, что за геофизику он не отвечает, по этой части Осипов - руководитель, а что касается численных методов, то тут он считает, что Бобарыкин выполнил работу на кандидатском уровне.

— - Чего же он тогда представляет диссертацию по специальности "геофизика", а не "прикладная математика"? - спросил кто-то из наших. Костя на это ничего вразумительного не ответил. А вот, что касается выдачи результатов, полученных без учёта инерции, за результаты с учётом инерции, то здесь он, Костя, просто проглядел и приносит извинения, и считает, что Бобарыкин это место должен переделать.

— Я зачитал свой отзыв и предложил семинару его одобрить. Но Иванов (он председательствовал на семинаре) предложил другой вариант. С таким отзывом Жулин скорее всего Бобарыкина вообще на секцию не выпустит, либо секция его заворотит. Так зачем Коле туда и соваться? Он имеет право в любой момент снять работу с рассмотрения и забрать на переделку, пока она к защите не принята. В том числе и сейчас.

— Вот это ему и надо предложить. Ну, а если уж он откажется, тогда посылать этот отзыв Жулину. Аудитория предложение Иванова поддержала. Я тоже не возражал. Коля, было, заколебался. Кажется, он был согласен на любой отзыв, лишь бы выйти на секцию, - ну, точь в точь как у меня с Фаткуллиным, - надеюсь, что там удастся проскочить, может, с помощью Марса или Осипова.

— Но тут категорически вмешался Костя и, понимая, что с таким отзывом далеко не уедешь, стал настаивать, чтобы Коля соглашался на первый вариант. Пришлось Коле согласиться, скрипя зубами.

— Иванов телетайпировал Жулину за своей подписью, что Бобарыкин забрал диссертацию на переработку и вопрос о её представлении на секцию может быть решен лишь после повторного рассмотрения на семинаре обсерватории. Мой отзыв мы оставили у себя, подарив один экземпляр Коле.

— А после обеда, когда я вернулся уже в кирху, меня позвали к телефону.

— - Здорово, Саша. Это Марс говорит.

— - Здорово, - опешил я, - с приездом.

— - Спасибо. Тут вот у меня Бобарыкин здесь слёзы льёт после вашего семинара... Но я

отзыв твой прочитал. Всё нормально. Мы там у себя проморгали в отделе...
— Я почувствовал, что Марс еле ворочает языком, то ли ещё не отошёл от вчерашнего, то ли уже сегодня добавил. Тем не менее... Как понимать этот его звонок? Чёрт его знает. Дальше он вообще понёс муть всякую, извинялся, что не может меня навестить: - ... Сам понимаешь, не в состоянии..., - хотя мы вовсе и не собирались встречаться. Ну, да ладно. Шут с ним. Теперь они, наверное, с Колей и Костей долго стресс снимать будут.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)